О.И. Хоруженко, Москва

ГЕРБЫ ПОТОМКОВ КНЯЗЕЙ ФОМИНСКИХ

В гербе князей Козловских помещен набор эмблем, необъяснимый с позиций генеалогии. Он представляет собой следующую композицию: «Щит четырехчастный с малым щитком в центре, в котором помещен герб великого княжества Смоленского: в серебряном поле стоящая черная пушка на золотом лафете, а на пушке сидит райская птица. В правой верхней и левой нижней частях герб великого княжества Киевского: в лазуревом поле стоящий ангел в сребротканной одежде, имеющий в правой руке обнаженный серебряный меч, а в левой золотой щит. В левой верхней и правой нижней частях герб великого княжества Черниговского: в серебряном поле черный одноглавый коронованный орел с длинным серебряным крестом в правой лапе, закинутом на левое плечо, с распростертыми, поднятыми вверх крыльями. Гербовой щит увенчан княжеской серебряной короною с золотыми украшениями; под короной три шлема. В нашлемниках повторены эмблемы гербов: Киевского – в первом, Черниговского – во втором и Смоленского – в третьем. Щитодержатели – два серебряных единорога. Намет – средина лазуревая с серебром, края черные с серебром. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою»[1] (см. рис. 1).

Наличие смоленской и киевской эмблем оправдывается происхождением князей Козловских. Черниговскую эмблему этим объяснить невозможно: Козловские происходили из смоленской ветви Рюриковичей и никакого отношения к черниговской не имели. Очевидно, что черниговский орел в гербе Козловских объясняется как-то иначе. Как именно – показывает история развития геральдической традиции потомков Фоминских князей.

С началом рода князей Фоминских связана драматическая история женитьбы великого князя Семена Гордого на дочери князя Федора Святославича Смоленского Евпраксии (1344/1345 г.). Свадьба расстроилась: «великую княгиню на свадьбе испортили – ляжет с великим князем и она ему покажется мертвец». Великая княгиня была отослана к отцу. Вторым браком Евпраксия сочеталась со старшим сыном своего дяди князя Константина Юрьевича Фоминского, Федором Красным[2].

Потомки князей Фоминских привлекают внимание специалистов по генеалогии и ономастике главным образом тем, что в этом роду была наиболее устойчивая из известных традиция личных прозваний, которая сохраняла из поколения в поколение свою «ботаническую» тематику. Кроме Семена Травы, родословая Фоминских княжат знает Осоку, Пырея, Отаву, Щавея, Вязелину, Дятелину[3].

Родословие фоминских князей считается генеалогами наиболее запутанным среди потомков смоленских князей. Согласно родословным, фоминско-березуйскую ветвь основал Константин Юрьевич, сын великого князя смоленского Юрия Святославича. От трех его сыновей, все они звались Федорами, желали вести свое происхождение Салтыковы-Травины, удержавшие впоследствие только имя Травины, Пырьевы, Карповы, Бокеевы, Козловские, Ржевские, Толбузины и др.

Неясен вопрос об основателе рода Фоминских и Березуйских, Константине Юрьевиче. Летописи знают только князя Федора Юрьевича (Вяземского и Дорогобужского в родословии Полевых) как единственного сына князя Юрия Святославича. Он жил после падения Смоленска в Новгороде, а в 1412/1413 г. под давлением Витовта покинул город и «отъеха в немцы». Между тем, еще в 1370 г. оборону Волока от войск Ольгерда возглавлял князь Василий Иванович Березуйский; он был убит при осаде. В синодике Успенского собора он был записан с двумя другими березуйскими князьями – Иваном Дмитриевичем и его сыном Иваном Ивановичем, вероятно с отцом и братом[4].

Фоминско-Березуйский удел, по С.Б. Веселовскому, был составной частью Ржевского княжества. Он находился в бассейне нижнего течения Вагузы, правого притока Волги, и притока Вагузы р. Осуги. В его составе были существующие ныне селения Фоминское (при впадении Осуги в Вагузу), Рогачев (на Осуге), Крюково, Хлепень, Молодой Березуй (между Осугой и Вазугой) и Старый Березуй (справа от Вогузы)[5].

Заявленное рядом дворянских родов происхождение от березуйских князей требует специального исследования. С.Ю. Шокарев отметил, что происхождение Бокеевых и Карповых от Федора Среднего не вызывает сомнений. Напротив, князья Козловские, вероятно, происходят из другой ветви смоленского дома – князей Вяземских. Также неправомерно присоединение к потомству Федора Меньшого Ржевских. Они, скорее всего, были потомками удельных князей Ржевских, известных источникам на столетие раньше, чем Константиновичи Фоминские. Шокарев предположил также, что потомками фоминско-березуйских князей следует считать Татищевых[6].

Попытку приписаться к фоминским князьям в 1649 г. предпринял Алексей Иванович Полев. Он назвал своим предком князя Федора Юрьевича Фоминского, известного источникам как участник похода Товлубия на Смоленск в 1340 г. В соответствие с этой идеей Полев даже организовал масштабную и дорогостоящую фальсификацию семейного некрополя[7]. Составленное им родословие С.Б. Веселовский назвал «совершенно несостоятельным по существу», «не выдерживающим никакой критики», «безнадежной попыткой восстановить потерянную правильную традицию», наконец, «еще более произвольным, чем версия родословцев»[8]. С.Ю. Шокарев, напротив, считает, что «родословная Полевых выглядит вполне сообразно хронологии и подтверждается другими источниками»[9].

Как бы то ни было, вскоре Полевы решили назвать своим предком другого князя Федора Юрьевича – Вяземского и Дорогобужского.

А.Т. Князеву были известны какие-то претензии на происхождение от Фоминских князей и дворянского рода Циплятевых, традиционно относимого к потомству Александра Монастыря[10].

Оставляя изучение фактического происхождения дворянских родов специалистам по генеалогии, отметим, что для геральдики важны собственно представления дворян о своем происхождении. Как раз претензии на родство, родословные легенды, родовая память, достоверны они или нет, получают отражения в геральдических памятниках. В обобщенном виде сведения о происхождении фоминских княжат в родословных выглядят так, как это показано в приведенной ниже таблице.

Потомство князя Константина Юрьевича Фоминского и Березуйского

<table>
<tr><td colspan="7">Константин Юрьевич Фоминский и Березуйский</td></tr>
<tr><td colspan="2">Федор Большой Красный</td><td colspan="2">Федор Средний Слепой</td><td colspan="3">Федор Меньшой</td></tr>
<tr><td colspan="2">Иван Собака</td><td colspan="2">Андрей</td><td>Василий Козловский</td><td>Федор Ржевский</td><td>Иван Толбуга</td></tr>
<tr><td colspan="2">Семен Трава</td><td colspan="2">Федор</td><td>Козловские</td><td>Ржевские</td><td>Толбугины</td></tr>
<tr><td>Иван</td><td>Григорий</td><td>Семен Бокей</td><td>Карп</td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Тра-вины</td><td>Иван Осока</td><td>Бокеевы</td><td>Карповы</td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>Григорий Пырей</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>Пырьевы</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
</table>

Козловские единственные из фоминских князей сохранили свой княжеский титул. С.Ю. Шокарев, вслед за М.К. Любавским, видит этому объяснение в том, что этот род вероятнее всего происходит от вяземских князей. Родовое гнездо Козловских, волость Козлово, находилось в Вяземском уезде. Географически оно удалено от земель Фоминско-Березуйского княжества. Н.Д. Квашнин-Самарин и А.А. Зимин полагали, что Козлово могло быть получено фоминским князем Василием Федоровичем в качестве приданного от княжны из вяземского дома.

Козловские в XVII в. считались многовотчинным родом. При этом сами вотчины были невелеки – в 1620-е годы 17 князей Козловских владели 137

дворами [11]. В служебном отношениии Козловские продвинулись только в конце XVII в. Боярином стал князь Григорий Афанасьевич Козловский (1646-1701 гг.). Григорий Афанасьевич неутомимо местничился. В 1659 и 1676 г. он выиграл дело у Л.В. Ляпунова, но проиграл местнические споры с князем Г.Д. Долгоруким (1647 г.) и с князем И.И. Лобановым-Ростовским (1658 г.)[12]. Г.А. Козловский был подателем в Разряд родословной росписи (18 апреля 1682 г.), отстаивал старшиство своей линии рода (от Романа Ивановича) перед потомками Льва Ивановича и добился внесения в родословную книгу родословия князей Козловских по своей росписи. Он поддержал претензии Полевых, Еропкиных и Татищевых на происхождение от смоленских князей, однако заявил о «напрасном причитании» к фоминским князьям каширских дворян Бокеевых[13].

Следует предположить, что князьям Козловским из однородцев наиболее близки были Ржевские. Отметим брак княжны Агриппины Григорьевны Козловской (р. 1674 г.) с комнатным стольником Михаилом Алексеевичем Ржевским (ок. 1665 – 1696 гг.)[14].

Врнемся, однако, к вопросу о происхождении «черниговского» орла в гербе князей Козловских.

Сохранилась печать боярина князя Г.А. Козловского на документе от 10 января 1671 г. Она изображает в геральдическом щите одноглавого орла. Доступная репродукция не позволяет судить, держит ли орел что-то в своих лапах, или нет. Щитодержателями выступают фантастические существа – кони с львиными хвостами и птичьими лапами. На печати текст: «Печать околничего и воеводы киевск[о]го намесника звенигоротского князя Григория Офанасьевича Козловского»[15].

Чтобы понять, можно ли считать орла на Григория Афанасьевича печати прообразом неожиданной черниговской эмблемы в позднейшем гербе, обратимся к геральдическим пямятникам их ближайших однородцев.

Наиболее близким в генеалогическом отношении к князьям Козловским считались Ржевские. Выше уже говорилось о том, что реальное их родство могло быть более дальним, чем это представлялось им самим. Ржевские, вероятно, были потомками удельных князей Ржевских XIII-XIV вв. Но и Государев родословец, и Бархатная книга признавали Ржевских и Ксзловских потомством двух братьев, сыновей Федора Константиновича Меньшого.

В служебном отношениии Ржевские продвинулись еще слабее, чем Козловские, не дав за время своего существования ни одного боярина. Однако, Ржевские были больше на виду, чем их титулованная родня. Это было следствием женитьбы дворянина московского Ивана Ивановича Ржевского (ум. 1640) на Степаниде Андреевне Милославской, что породнило его с царским домом. Другая свадьба – Сарры Юрьевны Ржевской и Алексея Федоровича Пушкина, предка поэта – обеспечила истории рода завидную исследовательскую судьбу[16].

В вотчинах Ржевских к 1678 г. находилось 317 дворов с 1234 душами крестьян, что превосходило владение всех других фоминских княжат вместе взятых. Двое из Ржевских, Василий и знаменитая князь-игуменья Дарья Гавриловна, были непременными участниками «Всепьянейшего собора» Петра I. Это, конечно, не обеспечивало им особого почета, но все же доставляло известную близость в монарху. В поколении Ржевских, современному петровским преобразованиям, находим гвардейских офицеров, высших чиновников.

В конце XVII в. идея дворянского герба Ржевских еще не была разработана. Окольничий Алексей Иванович Ржевский пользовался следующим гербом: в круглом картуше – вырезной щит, где было изображено стилизованное дерево с сидящим на нем орлом, расправившим крылья. По сторонам дерева стояли справа лев, а слева – единорог. Этот герб был помещен на чаше, принадлежавшей А.И. Ржевскому, и конфискованной, вероятно в 1690 г., когда ее владелец пострадал по делу Шакловитого. Во избежание сомнений на чаше помещалась надпись: «Сия чаша окольничего Алексея Ивановича Ржевского»[17].

На печати современника и родственника А.И. Ржевского, думного дворянина Ивана Ивановича (1671 г.) был изображен герб с фигурой обращенного влево льва; в нашлемнике помещался орел. Герб сопровождался инициалами «П[ечать] Д[умного] Д[ворянина] [...] Р[жевского][18]. Стольник Тимофей Иванович в 1686 г. пользовался текстовой печатью с надписью: «Печать столника Тимофея Ржевского»[19].

К 1785 г. отдельные представители рода Ржевских уже разработали гербовые композиции с учетом территориальных эмблем. А.Т. Князев зафиксировал гербовую печать генерал-поручика Павла Матвеевича Ржевского (1734-1793 гг.) и два варианта печати действительного тайного советника Алексея Андреевича Ржевского. В гербе П.М. Ржевского, разделенном горизонтально на две части, верхнюю часть занимает фигура орла, стреляющего из лука. Нижняя часть, поделенная вертикально, содержит в правом поле знамя смоленское (пушку с птицей), а в левом – знамя киевское. Щит окружен военными трофеями и поддерживается двумя грифонами[20] (рис. 2).

В первом варианте герба А.А. Ржевского находятся те же фигуры, что и в гербе П.М. Ржевского, но расположение их иное. Правую половину щита занимает киевская эмблема, левую нижнюю – смоленская, а левую верхнюю – орел, стреляющий из лука. Здесь он держит в клюве три стрелы. На щите установлен дворянский шлем. Герб покрывает мантия с княжеской короной[21]. Во втором варианте фигуры расположены в необычном, опрокинутом острием вверх щите. В верхней части – смоленская эмблема в польском варианте (т.е. знамя), в нижней – орел. Лука в лапах у него не видно, но в клюве он держит стрелу. Рядом с щитом в картуше инициалы «А. R.». Вся композиция помещена на мантии, увенчанной дворянским шлемом с княжеской короной на нем. Мантия окружена лавровым венком[22] (рис. 3).

Ю.Б. Иверсен опубликовал жетон, выбитый в честь некоего генерала Ржевского (подпись на оборотной стороне жетона: «Son excellence Mr. le general Rzewsky»). Иверсен атрибутировал его брату владельца печати, срисованной Князевым, генерал-поручику Степану Матвеевичу (1732-1782 гг.). Он объяснил, что «несмотря на то, что два его брата, Павел Матвеевич и Иван Матвеевич, дослужились также до чина генерал-поручика… только тот из братьев, который первым получил этот чин, мог называть себя генералом, не прибавляя к чину и фамилии своего имени. Из других членов фамилии Ржевских многие состояли в гражданской службе, но никто из них не имел чина генерала»[23]. На лицевой стороне жетона выбит герб Ржевских. Здесь он до мелочей совпадает с вариантом герба на печати Павла Матвеевича. В верхней части щита изображен орел со стрелами в клюве. Его ноша прорисована неразборчиво, но очертаниями напоминает лук. Фигура помещена на поле, усеянном точками, что символически должно изображать золотой фон. Такой фон Князев применил, изображая первый вариант печати Алексея Андреевича; на двух других печатях орел помещен на серебряном поле. В нижней части щита изображены смоленская эмблема (справа) и киевская (слева) – в полях, заштрихованных горизонтально. Эта штриховка соответствует синему цвету. Щит покрыт каской, окружен трофеями и двумя орденскими лентами с крестами на них и поддерживается двумя грифонами.

Обращает на себя внимание то постоянство, с которым между территориальными эмблемами на гербах Ржевских присутствует фигура орла, стреляющего из лука. Отметим также традицию, связанную с изображением в качестве щитодержателей грифонов. Это заставляет вновь вспомнить печать боярина князя Козловского.

При внесении герба Ржевских в Общий гербовник все эмблемы, кроме смоленской были отвергнуты[24]. Вероятно, Герольдия не могла приветствовать факт частного территориального герботворчества, альтернативного официальному. Герб Ржевских в редакции Общего гербовника представляет собой герб старшей ветви смоленских князей, что конечно не соответствует действительности (рис. 4).

Отметим, что г. Ржев-Володимеров в 1780 г. получил городской герб, не отразивший никакой самобытной геральдической традиции. В верхней своей части он содержал герб Тверской, что означало его подчинение этому наместничеству, а в нижней – льва (главный элемент Владимирского герба).

Дворяне Травины происходили от Семена Ивановича Травы, внука Федора Константиновича Большого. В служебном отношении Травины били еще более скромным родом, чем Ржевские. Никто из них не поднимался даже до окольничего. Вотчинное землевладение рода было совсем невелико. К 1646 г. Травины владели всего тремя вотчинами, что представляло собой 9 дворов и 29 душ крестьян. В 1678 г. за ними числилось 8 вотчин, 52 двора, 86 душ[25].

Возможность судить о геральдической традиции рода Травиных представилась благодаря внуку стольника Владимира Григорьевича, Григорию Яковлевичу Травину. Он начал службу в 1727 г. солдатом гвардейского Преображенского полка, в 1740 г. стал капралом гренадерской роты. Эта рота сыграла важную роль в возведении на императорский престол Елизаветы Петровны (1741 г.). 17 декабря 1741 г. Травин был пожалован вице-капралом вновь образованной лейб-кампании, получил 35 душ крестьян в Пошехонском уезде[26]. Как и прочим лейб-кампанцам, согласно императорскому указу, Герольдмейстерская контора должна была изготовить для Травина диплом в подтверждение дворянства с новым гербом, отражавшим его заслуги.

При изготовлении дипломов лейб-кампанцам, происходившим из дворян, предполагалось лишь отредактировать их родовые гербы, внеся в них общую эмблему лейб-кампании. Г.Я. Травин представил в Герольдию свой герб.

Рисунок этого герба опубликован И.В. Борисовым в качестве «образца геральдического творчества Герольдмейстерской конторы»[27]. Однако, герб был нарисован вне Герольдмейстерской конторы, самим Травиным или по его заказу. Он изображал стреляющего из лука орла, держащего в клюве три стрелы. Щит был покрыт княжеской шапкой, окружен наметом, внизу вилась девизная лента без надписи[28] (рис. 5).

Характерно, что герб Травиных, в отличие от герба Ржевских, представлял собой однопольную композицию. Именно такие гербы, содержавшие только герб удела, должны были отличать представителей старшей линии рода от младших. Ими и были Травины по отношению к Козловским и Ржевским. Здесь в качестве герба былого удела предстает орел-лучник. Он не знаком русской территориальной геральдике, но среди потомства фоминских князей середины – второй половины XVIII в., как видно, понимался именно как герб Фоминско-Березуйского княжества.

Этот герб не был принят Герольдией. Вероятно, Травин не смог убедительно объяснить значение этой композиции. Дворянский герб рода Травиных был утвержден дипломом императрицы Елизаветы Петровны от 25 ноября 1751 г. В этом гербе правое поле занимала общая для всех лейб-кампанцев эмблема, а левое поле – герб собственно Травиных. В нем было помещена «в серебряном поле пушка черная на станке того ж цвету, окованном золотом и поставленном на зеленой подошве щита с старинною короною краснаго цвету над помянутою пушкою в вершине щита»[29]. Как видно, по сравнению с смоленским знаменем герб отличало отсутствие райской птицы на дуле пушки и добавление «старинной» короны. Изобразительно она совпадала с короной дворянской.

В Общий гербовник герб дворян Травиных – ни в самобытном варианте, ни в дипломном – не вошел.

* * *

Каковы же происхождение и символика загадочного орла-лучника на гербах фоминских княжат? Предположительно он восходят к печати боярина Григория Афанасьевича Козловского. В потомстве фоминско-березуйских князей не было другого, более высокопоставленного лица, которое могло бы считаться главой рода. Поэтому подражание боярину его однородцев в выборе геральдического решения вполне понятно.

Для самого же Григория Афанасьевича эта эмблема не была случайной. В Польше существовал одноименный Козловским, но нетитулованный род, пользовавшийся гербом Ястржембец. В щите этого герба изображалась подкова шипами вверх с крестом в середине. В нашлемнике помещался ястреб, держащий в лапе фигуру, изображенную в щите. Зрительно, особенно в мелких графических формах, подкова с крестом в центре очень походит на натянутый лук со стрелой (рис. 6). Вряд ли заимствование этой эмблемы князем Г.А. Козловским, уверенным в своем происхождении от Рюрика, следует понимать как претензию на происхождение от польских шляхтичей. Скорее всего наоборот, польские Козловские могли восприниматься им как ополячившаяся ветвь его рода, потерявшая в многочисленных «замятнях» и «смутах» княжеский титул, но сохранившая геральдические традиции.

Из герба князей Козловских фигура орла-лучника перекочевала в гербы их ближайших однородцев Травиных и Ржевских. Однако при официальном утверждении гербов эта фигура, непонятая в Герольдии, исчезла. Сперва ее удалили из герба Травиных (при подписании диплома в1751 г.), затем из герба Ржевских (при утверждении первой части Общего гербовника в 1798 г.) и, наконец, в 1882 г. орел-лучник в гербе князей Козловских был переделан в черниговскую эмблему.

Единый подход Травиных, Козловских и Ржевских к выработке родовой эмблемы характеризует эти роды как своеобразный гербовый союз внутри корпорации фоминских княжат. В основе этого союза лежало, видимо, понимание своей исключительности в среде сильно размножившихся и измельчавших потомков фоминско-березуйских князей. Здесь представлена, во первых, старшая ветвь рода (Травины), наиболее продвинувшаяся в служебном отношении и титулованная ветвь (Козловские) и наконец ветвь, наиболее состоятельная и родственная царскому дому (Ржевские). С другой «фоминской» родней представители этого союза считались мало. Козловские, Ржевские и Травины выступали в качестве судей в спорных вопросах, связанных с признанием тех или иных родов в качестве потомства фоминских князей[30].

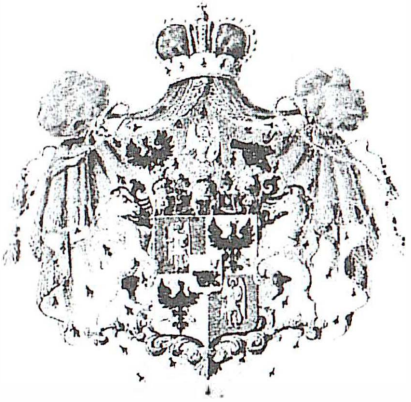

Рис. 1. Герб князей Козловских по Общему Гербовнику[31]

Рис. 2. Печать П.М. Ржевского

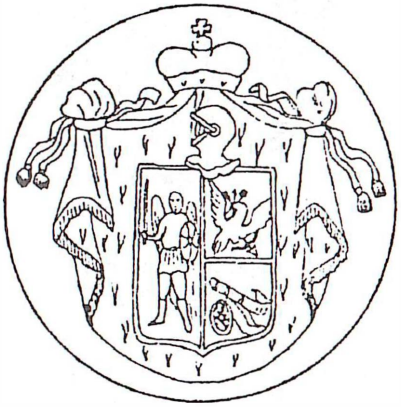

Рис. 3. Печати А.А. Ржевского

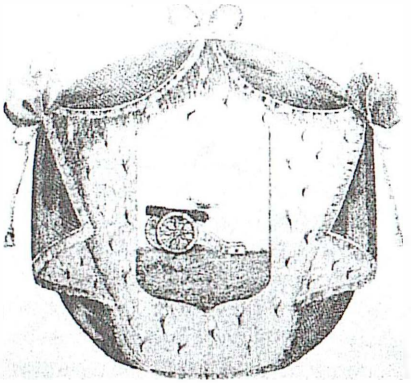

Рис. 4.
Герб Ржевских
по Общему гербовнику

Рис. 5. Герб Г.Я. Травина

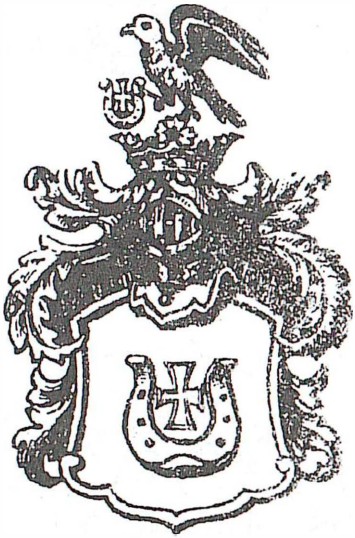

Рис. 6.
Герб Ястржембец
(по Г.И. Нарбуту)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 238.

[2] ***Веселовский С.Б.*** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 363.

[3] Вязель – люцерна, дятлина – кашка красная.

[4] ***Шокарев С.Ю.*** К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. Вып. 1. М., 2001. С. 20.

[5] ***Веселовский С.Б.*** Исследования. С. 368.

[6] ***Шокарев С.Ю.*** Указ. соч. С. 24.

[7] Там же. С. 21-22.

[8] ***Веселовский. С.Б.*** Исследования. С. 370, 371.

[9] *Шокарев С.Ю.* Указ. соч. С. 22.

[10] Гербовник А.Т. Князева 1785 года // Изд. С.Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 163.

[11] ***Шватченко О.А.*** Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 115, 126, 127.

[12] *См.:* ***Эскин Ю.М.*** Местничество в России XVI-XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 182, 184, 196, 205, 206, 209.

[13] ***Антонов А.В.*** Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 52, 267, 194-196, 311, 358.

[14] ***Телетова Н.К.*** История рода Ржевских // Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 381.

[15] Снимки древнейших русских печатей, изданные Главным архивом Министерства иностранных дел / Сост. Ф.А. Бюлер. М., 1882. С. 92.

[16] ***Телетова Н.К.*** История рода Ржевских // Род и предки А.С. Пушкина. М., 1995. С. 335-387.

[17] Опись Московской Оружейной палаты. М., 1885. Ч. 2. Кн. 2. С. 143.

[18] ***Иванов П.И.*** Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. 16. № 227.

[19] Там же. Табл. 18. № 277.

[20] Гербовник А.Т. Князева. С. 128. № 379 (96).

[21] Там же. № 380 (96).

[22] Там же. С. 128. № 381 (96).

[23] ***Иверсен Ю.Б.*** Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1883. С. 150-151, Табл. 30. № 7

[24] Общий гербовник. Т. 1. № 37.

[25] ***Шватченко О.А.*** Указ. соч. С. 280.

[26] Дополнительно о Г.Я. Травине известно, что он был освобожден от служб и осмотра, «понеже на него положено смотрение кавалергардской амуниции». В 1746 г. Травин был пожалован в подпрапорщики Лейб-кампании. В 1743 и 1752 гг. начальству пришлось разбирать его ссоры (соответственно – с премьер-майоршей Кознаковской и сержантом Игнатьевым). В октябре 1749 г. Г.Я. Травин подал прошение «об увольнениии от службы по болезнью и об определении к штатским делам». В 1759 г. он был уволен в отставку поручиком. Г.Я. Травин был грамотен, состоял в браке (См.: Сб. биографий кавалергардов. СПб., 1901. Т. 1. С. 268-269).

[27] ***Борисов (Ильин) И.В.*** Родовые гербы России. М., 1997. С. 48.

[28] Подобный герб был срисован А.Т. Князевым с печати, приписанной им Ивану Васильевичу Киреевскому (Гербовник А.Т. Князева. С. 68. № 198). Эта атрибуция, вероятно, ошибочна. Утвержденный герб Киреевских (Общий гербовник. Т. 3. № 64) ничем не напоминает гербы фоминских княжат.

[29] ОПИ ГИМ. Ф. 388. Д. 237. Л. 2 об.

[30] ***Антонов А.В.*** Указ. соч. С. 358.

[31] Рисунок из кн.: Дворянские роды Российской империи. Т. 1. С. 238.